

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2315](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315)

А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов

ГОРОДСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Правильная ссылка на статью:

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 130—152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>.

For citation:

Belousov A. B., Davydov D. A. (2023) Urban Conflicts and Transformation of the Local Political Regime in Yekaterinburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 130–152. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2315>. (In Russ.)

Получено: 26.09.2022. Принято к публикации: 06.03.2023.

ГОРОДСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

БЕЛОУСОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Аннотация. В статье изучаются механизмы трансформации локального политического режима в ответ на конфликты, связанные с оспариванием городского пространства. Возможности граждан добиваться тех или иных результатов при отстаивании своих интересов обусловлены как совокупностью неформальных практик взаимодействий между элитами и прочими субъектами конфликтов, так и другими обстоятельствами: от накопленного опыта гражданской активности до личностных качеств представителей городской власти. В редких случаях в ответ на те или иные вызовы, в том числе протестную активность, городские власти вынуждены менять свои модели взаимодействия с общественностью, вводя в них элементы коллаборативного планирования, а также стремясь к превентивному разрешению назревающих конфликтов.

URBAN CONFLICTS AND TRANSFORMATION OF THE LOCAL POLITICAL REGIME IN YEKATERINBURG

Alexandr B. BELOUSOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

Dmitriy A. DAVYDOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher at the Department of Philosophy

E-MAIL: davydovdmitriy90@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article explores the mechanisms that enable the local political regime transformations in response to the contestation of urban space. It is assumed that a variety of informal interaction practices between elites and other subjects of conflicts as well as numerous other conditions, such as accumulated experience of civic activism or city officials' personal qualities, contribute to citizens' ability to successfully defend their interests. In rare cases, city authorities are forced to change their models of interaction with residents, incorporating elements of collaborative planning and attempting to prevent conflicts from escalating in response to certain challenges (including protest activity).

Yekaterinburg is considered as an example of a city that has achieved some "liberalization" of the local political regime and improved its capacity to reach a compromise with activists. The authors

В качестве примера города, который добился некоторой «либерализации» местного политического режима, то есть повышения его способности достигать компромисса с активистами, рассматривается Екатеринбург. Проанализировав материалы СМИ за последние десять лет и проведя экспертный опрос лидеров протеста, журналистов, аналитиков и представителей городских и региональных властей, авторы выявляют факторы, способствовавшие соответствующим изменениям.

Ключевые слова: городские конфликты, городские политические режимы, локальная политика, право на город, политическая мобилизация, гражданское общество, протестные акции, урбанистика

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 20411-660027 «Мониторинг и прогнозирование социальных конфликтов в Свердловской области в 2020—2022 гг.».

Постановка проблемы

Более десяти лет назад, 16 августа 2011 г., несколько сотен возмущенных жителей микрорайона Сортировка г. Екатеринбурга собрались в парке, где намечалось строительство резервного центра обработки данных Свердловской железной дороги (СвЖД), и сломали забор, ограничивающий стройплощадку. Журналистам протестующие рассказали, что для реализации проекта, задуманного железнодорожниками, нужно вырубить более 500 деревьев (площадь парка — 3 гектара). Жильцы писали обращения в прокуратуру, но реакции властей не последовало. Тогда граждане собрали более 1,5 тыс. подписей против вырубки парка и пришли в администрацию Железнодорожного района. Выслушав их претензии, глава района В. Лаппо обвинил защитников парка в выполнении чужой политической воли, назвав их действия проплаченными¹. Дальнейшие попытки противостоять проекту успехом не увенчались. Парк вырубил, планируемые здания построили.

Спустя десять лет в региональных СМИ появилась информация о том, что жители Юго-Западного района Екатеринбурга начали сбор подписей в защиту сквера

identify the factors that contributed to the corresponding progressive changes after analyzing media materials over the past ten years and conducting an expert survey of protest leaders, journalists, analysts, and representatives of both local and regional authorities.

Keywords: urban conflicts, urban political regimes, local politics, the right to the city, political mobilization, civil society, protest actions, urban studies

Acknowledgments. The article was prepared within the RFBR project No. 20411-660027 “Monitoring and Forecasting of Social Conflicts in the Sverdlovsk region in 2020—2022”.

¹ Терпение лопнуло! Разъяренные жители снесли строительный забор в парке, где СвЖД собирается строить свое здание // URA.RU. 2011. 16 августа. URL: <https://ura.news/news/1052132733> (дата обращения: 15.09.2022).

в районе улиц Онуфриева — Бардина. Там планировалось строительство офисного здания и 25-этажного дома. В результате мэрия Екатеринбурга заблокировала этот проект, что, по мнению журналистов, «стало ответом чиновников на протест местных жителей, выступающих в защиту сквера»². Примечательно, что протестующие даже не успели выйти на митинг: точнее, несколько десятков человек собралось, но уже после того, как стало известно об отмене проекта³. Конечно, два отдельных кейса не показательны и ничего не доказывают, однако даже невооруженным взглядом видно, что за десятилетие в г. Екатеринбурге изменилось многое — от тональности общения представителей местных властей с гражданами до результатов оспаривания проектов освоения городского пространства.

Сегодня исследователи все чаще говорят о том, что характер и результаты городских конфликтов определяются локальным (городским) политическим режимом, состоящим из набора факторов и обстоятельств — от состава ключевых акторов и связей между ними до местного законодательства и гражданской культуры. При этом городской режим динамичен: он меняется в зависимости от расстановки субъектов, их связей, внешних обстоятельств, политических событий и много другого. Борьба жителей за городское пространство может способствовать постепенному переходу от «режима роста» к «прогрессивному режиму среднего класса» (К. Стоун, см. [Stone, 1989; Stone, 1993]), то есть городские власти сталкиваются с необходимостью учитывать не только сугубо экономические или «материалистические» вопросы (инвестиции, рабочие места и т. д.), но и вопросы качества городской среды. Проблема в том, что мы пока не знаем, насколько применима идея «прогрессивного режима среднего класса» к России. На данный момент среди исследователей (см. следующий раздел) наблюдается определенный пессимизм в характеристике российских городских режимов: они определяются либо как пассивные режимы «технического обслуживания», либо как «режимы роста», стремящиеся игнорировать гражданских активистов и привлекать инвестиции «любой ценой», либо нечто промежуточное.

Настоящее исследование нацелено на проверку гипотезы, что серьезные протестные кейсы и активная борьба гражданских активистов, нацеленная на оспаривание территорий, могут способствовать качественному изменению, «смягчению» российских городских режимов или даже их выстраиванию по модели «прогрессивного режима среднего класса». Мы тестируем эту гипотезу на примере г. Екатеринбурга, где в последние годы наблюдалось множество громких протестных кейсов (например, массовые акции против застройки сквера у Драмтеатра⁴ в 2019 г.). Если гипотеза верна, то отмеченные нами поверхностные изменения в стиле взаимодействия властей с представителями общественности отражают

² Батин С. Жители Екатеринбурга вышли защищать сквер от застройщика, несмотря на обещание мэрии // URA.RU. 2022. 06 июня. URL: <https://ura.news/news/1052559506> (дата обращения: 15.09.2022).

³ Аллаярлов Д. Мэрия Екатеринбурга рушит план застройщика, угрожающий митингами // URA.RU. 2022. 06 июня. <https://ura.news/news/1052559383> (дата обращения: 15.09.2022).

⁴ См., например, Ровнушкина А. «Вокруг забора образовали живую цепь»: как мировые СМИ описывали акцию в сквере Екатеринбурга. Крупнейшие агентства и издания написали про конфликт вокруг храма у Драммы // E1.ru. 2019. 15 мая. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2019/05/15/66088879/> (дата обращения: 02.07.2022); Забайлович Ю. В Екатеринбурге прошла самая жестокая из трех акций в защиту сквера: коротко о том, как это было. ОМОН несколько часов выдавливал людей из сквера и с площади перед ним // E1.ru. 2019. 16 мая. URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2019/05/16/66089953/> (дата обращения: 02.07.2022).

более глубокие трансформации городского режима. В противном случае речь может идти лишь о косметических изменениях и имитации учета мнения граждан.

Обзор литературы

Тематика городских конфликтов сегодня все активнее обсуждается в российской социальной науке. Одна из таких тем — слабые институты взаимодействия местных властей с гражданским обществом и отсутствие вовлеченности граждан в процесс планирования развития городского пространства. Если посмотреть на опыт Запада, то там активно развиваются практики коллаборативного планирования, подразумевающие активное обсуждение проектов, а также семинары, форумы, дебаты, гражданские жюри, совместные сессии (так называемый «ванкуверизм», так как подобные практики получили наибольшее развитие в Канаде [Шохина, 2021]). В России же до сих пор преобладают чисто формальные механизмы согласования интересов вроде публичных слушаний или письменных обращений в органы власти [Медведев, 2017], часто используемые не для реального согласования интересов, а для его имитации. При этом сами местные власти предпочитают проводить политику максимизации инвестиций (так называемые неолиберальные «машины роста») при минимизации учета интересов местных жителей. Е. Тыканова и А. Хохлова отмечают, что ориентация элит Санкт-Петербурга на коммерциализацию и эстетизацию городского пространства укладывается в эту неолиберальную логику [Тыканова, Хохлова, 2015]. Как показали А. Глухова, А. Кольба и А. Соколов на материалах экспертных опросов показали, городские сообщества остаются недостаточно встроенными в систему принятия политико-управленческих решений и институты публичной политики, что затрудняет их интеграцию в механизмы конструктивного регулирования конфликтов [Глухова, Кольба, Соколов, 2021]. Исследователи также обращают внимание на то, что сегодня спектр возможностей для создания эффективных переговорных площадок, позволяющих внедрить механизмы коллаборативного планирования, предельно узок: «Ни представительные органы власти региональных центров, ни их общественные палаты, ни общественные советы при органах власти по разным причинам в полной мере таких функций не выполняют» [там же: 248]. И. Шевцова и В. Бедерсон изучили базы данных «Состязательная политика российских регионов» и «Пермские городские конфликты: борьба за пространство» (ЦСИПИ⁵), а также провели серию полуструктурированных интервью с представителями семи инициативных групп, действовавших в сфере городского планирования (временной охват: 2000—2016 гг.) [Шевцова, Бедерсон, 2017]. Они пришли к схожим выводам: взаимодействие инициативных групп с органами власти по поводу проблем городского планирования почти никогда не является кооперативным: «В интерпретации активистов, инициативные группы воспринимаются органами власти как „возмутители спокойствия“ и фактор риска для политической устойчивости, поэтому органы власти игнорируют эти группы и/или противостоят им» [там же: 112]. П. Ермолаева, О. Башева и В. Корюнова говорят о симулякрах вовлечения горожан в городскую политику со стороны элит [Ермо-

⁵ Центр сравнительных исторических и политических исследований.

лаева, Башева, Корунова, 2021]. Как показал экспертный опрос в Москве и Казани, публичные слушания являются малоэффективным инструментом взаимодействия заинтересованных сторон и представителей власти (информация об их проведении и состоянии дел часто замалчивается, а в ходе слушаний стороны «практически друг друга не слышат» и «решение, удовлетворяющее всех, не находят») [там же: 308]. В связи с этим исследователями ведется активная работа по разработке эффективных моделей вовлечения граждан в процессы планирования городского развития. Предлагаются меры по политическому управлению городскими конфликтами, конструируются методические модели взаимодействия власти и горожан (включая предварительную работу по оповещению населения), призванные минимизировать потенциальные конфликтные издержки в коммуникации сторон [Кольба, Соколов, 2016]. Однако пока можно говорить лишь об общих рекомендациях.

Несмотря на общий пессимизм (или реализм?) исследователей, многие из них обращают внимание на следующие аспекты. Во-первых, на относительное разнообразие складывающихся моделей выстраивания взаимоотношений между гражданами, местными властями и девелоперами. Во-вторых, на динамику, позволяющую рассчитывать на постепенный отход от модели городского развития без учета мнений представителей гражданского общества.

В описании моделей разрешения городских конфликтов авторы опираются на разные концепты. А. Желнина и Е. Тыканова, к примеру, пишут о *гражданских инфраструктурах*, различая среди них *формальные* и *неформальные* [Желнина, Тыканова, 2019]. Под формальными гражданскими инфраструктурами они понимают доступные гражданам юридически закрепленные инструменты участия, такие как голосование, участие в добровольных организациях, муниципальное самоуправление, самоорганизация и кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование. Неформальные гражданские инфраструктуры включают в себя неформальные объединения, сети знакомых и друзей, а также мировоззрения и идеи обычных горожан, ориентированные на общее благо. При этом рост количества конфликтов по поводу городского пространства говорит о постепенном складывании гражданской инфраструктуры в российских городах (по крайней мере, в наиболее крупных и развитых из них). Правда, как утверждают авторы, «формальные гражданские инфраструктуры не успевают за развитием неформальных: горожане общаются, создают активистские сети, однако при попытках вынести свои требования и свое видение развития городских территорий на арены, где формальные государственные институты и другие участники процесса (девелоперы, представители бизнеса) должны к ним прислушаться, эффективное взаимодействие не всегда удается» [там же: 178].

В другой своей работе эти же исследователи говорят о *поле городской политики*, которое призвано отразить многообразие участников взаимодействий и динамику их отношений друг с другом [Желнина, Тыканова, 2021]. Они сравнивают данные поля в Москве и Санкт-Петербурге и делают вывод: конфигурации игроков на полях городской политики способствуют разным результатам оспаривания городского пространства активистами. Московское поле городской политики характеризуется наличием крупных федеральных градостроительных проектов,

большим «весом» городских чиновников, а Санкт-Петербург обладает меньшим городским бюджетом и вынужден привлекать бизнес-инвесторов для будущего развития городских территорий. Соответственно, оспаривать снос зданий в Москве сложнее: большая часть таких проектов была реализована (протест против проектов, лоббируемых высокопоставленными чиновниками, имеет меньше шансов на успех). В Санкт-Петербурге же все спорные проекты (попавшие в выборку исследователей), угрожающие зеленым насаждениями, были отклонены. Более того, гражданские инфраструктуры в северной столице, по наблюдениям авторов, более развиты. Влияет на ход конфликта и конфигурация элит: если среди них наблюдается раскол, то активистам проще добиться необходимых результатов. Особенно вероятен их успех, если будет иметь место «широкий альянс» как объединение усилий (в различных комбинациях) горожан, активистов, депутатов, политиков, известных персон и экспертов [там же]⁶.

Иными словами, исследователи все чаще говорят не об универсальных общероссийских реалиях, а об особенностях конкретных городов или конкретных кейсов. Эти особенности обусловлены не столько нормативно-правовыми актами, сколько местной политикой (*politics*), культурой, историей, даже ландшафтом. Немаловажен и фактор времени: изменяется федеральное законодательство, меняют русла денежные потоки, развивается гражданская культура, а у активистов появляются новые инструменты вроде социальных сетей. Так, А. Желнина описывает, как в Санкт-Петербурге происходило постепенное переосмысление городских публичных пространств [Желнина, 2014]. Концепция «права на город» [Lefebvre, 1991; Mitchell, 2003] становилась все более популярной среди интеллигентов, а сами жители хотели, чтобы было, «как на Западе»: пикники на лужайках, активная коммуникация и самовыражение в публичных местах, возможность протестовать [Желнина, 2014]. Учитывая сказанное выше о росте количества городских конфликтов за последние 10—20 лет, можно предположить, что в части городов имеется больший, чем в остальных, прогресс как в развитии гражданской культуры, так и в налаживании формальных и неформальных механизмов взаимодействия конфликтующих сторон.

Правда, мы бы все же предпочли в качестве ключевого использовать термин «городской политической режим» [Stone, 1989], значение которого несколько шире, чем значение терминов «гражданские инфраструктуры» и «поля городской политики», хотя содержательно они пересекаются. Изначально изучение городских политических режимов подразумевало выявление коалиций акторов (представителей властей, бизнеса, общественности), основанных на соглашениях между ними по поводу реализуемого политико-управленческого курса и его результатов. Как отмечает Н. Борисова, «эвристический потенциал теории городских режимов позволяет включить в исследовательский фокус практики и механизмы согласования интересов в процессе городского политико-экономического управления, а также выявить участников этих процессов» [Борисова, 2010: 8].

⁶ По данным нашего исследования, ситуация в Екатеринбурге частично подтверждает выводы А. А. Желниной и Е. В. Тыкановой: проект Уральского ТЛЦ, реализованный при лоббизме со стороны федеральных структур, активистам остановить не удалось. Фактор уровня и влиятельности заинтересованных лиц играет существенную роль в такого рода конфликтах.

Иными словами, локальный (городской) политический режим представляет собой конкретную «расстановку» субъектов и их ресурсов, а также накопленный опыт взаимодействий различных заинтересованных лиц, соответствующие связи и взаимоотношения. Учитывая, что российские города достаточно сильно отличаются друг от друга, если рассматривать неформальные связи между самыми разными субъектами, мощь экономических субъектов (и их способность оказывать давление на местные власти) или, скажем, культуру гражданского участия, то изучение городских политических режимов становится достаточно актуальным (см., например, [Бычкова, Гельман, 2010; Пустовойт, 2013]).

Этот подход видится более перспективным, чем попытки усредненного исследования городского протеста в целом по России. Теория городских политических режимов вполне применима к изучению городских конфликтов. В. Ледяев, приводя в пример западный опыт, описывает *прогрессивные режимы среднего класса* (согласно классификации К. Стоуна [Stone, 1993]). Эти режимы являются антиподами коалициям роста (или «неолиберальным машинам роста»), о которых говорилось выше. Они возникают в экономически развитых местах, где жители опасаются, что «выгоды роста перевешиваются издержками загрязнения окружающей среды или потерей общности. Их успех наиболее вероятен там, где у режима есть прочная опора в лице активного „светского“ среднего класса, имеющего свободное время. „Коалиции против роста“ обычно складываются вокруг движений в защиту окружающей среды, гражданских, а также антивоенных движений; к ним примыкают профессионалы из среднего класса, рабочие, государственные служащие и менеджеры фирм, чьи доходы не зависят от роста, а также все те, кто считает, что их благосостояние и стиль жизни находятся в противоречии со стратегией роста. Движения против роста возникают либо как реакция на действия местных властей, не желающих учитывать негативные социальные последствия тех или иных программ экономического развития, либо в результате прихода к власти людей, изначально поддерживающих идеологию охраны окружающей среды и социального либерализма» [Ледяев, 2008: 45]. В этой характеристике можно разглядеть проблески того, что в последние годы происходило в ряде городов России: попытки противостоять «машинам роста» и отстоять «право на город».

Тем не менее пока российские исследователи нацелены преимущественно на классификацию имеющихся городских политических режимов. Механизмы их изменения остаются слабоизученными, если не сказать неизученными. Преобладает характеристика городских режимов в России либо как режимов «технического обслуживания» с пассивными элитами, не заинтересованными в активном развитии города, либо как «режимов роста» (к примеру, такие характеристики дает городам Сибири Ю. Пустовойт [Пустовойт, 2018; Пустовойт, 2019; Пустовойт, 2020]). Однако исследователи все же отмечают развитие гражданских инфраструктур в развитых крупных городах, что не может не отразиться на городском режиме. Некоторые элементы «прогрессивных режимов среднего класса» появляются (или могут при определенных условиях появиться) и в российских мегаполисах. Мы тестируем эту гипотезу на примере Екатеринбурга.

Методы

Главный метод настоящего исследования — экспертный опрос, проведенный по методике полуструктурированного глубинного интервью ($n = 20$) с 1 мая по 31 августа 2022 г. В качестве информантов выступали журналисты и аналитики, городские активисты и лидеры протеста, депутаты, а также представители городских (Екатеринбург) и региональных властей (Свердловская область). Основным критерием отбора экспертов выступала их компетентность в сфере протестов: в случае активистов — личное участие в них в той или иной форме, в случае представителей власти — вхождение протестов и их урегулирования в сферу непосредственных полномочий. Такой отбор стал возможен в силу того, что авторы длительное время занимаются отслеживанием конфликтных ситуаций и их акторов в регионе проживания. При этом удалось соблюсти приблизительно равные пропорции между «протестными» и «провластными» экспертами.

Интервью носили полуструктурированный характер. Ключевыми темами были оценка прошлых протестов и их влияния на текущее взаимоотношение власти и городских сообществ, текущее состояние протестной активности и способов их урегулирования, перспективы протестов в будущем. Ключевой исследовательский вопрос: привели ли протесты у Драмтеатра в 2019 г. к изменениям во взаимоотношениях между властью и обществом по спорным вопросам или нет? Кроме того, у информантов выяснялись подробные обстоятельства действий власти и протестующих в определенных кейсах, факторы успехов или неудач оспаривания городского пространства, перспективы городских конфликтов в городе. Определялись также факторы, которые могли способствовать изменению хода конфликтных ситуаций: смена главы г. Екатеринбурга, ужесточение законодательства в области протестной деятельности, отъезд из региона ряда активистов за границу и др. Всего было сформулировано более 30 вопросов в рамках поставленных целей и поставленных гипотез.

Данные, полученные от экспертов, проверялись (триангулировались) с помощью проверки региональных СМИ (URA.RU и городской портал «Е1») за последние десять лет, изучения материалов научных исследований по соответствующей тематике, затрагивавших Екатеринбург ранее, и непосредственного наблюдения за городской политикой. Анализ источников СМИ позволил выявить ключевые городские конфликты за период 2012—2022 гг., определить их субъектов, динамику и исход, а также рассмотреть основные способы разрешения конфликтных ситуаций в общей динамике за последние десять лет. Одним из источников данных выступал уже проведенный для Екатеринбурга и Свердловской области событийный анализ протестных кейсов за период 2006—2021 гг., который показал, что: а) общее количество городских конфликтов росло с момента начала наблюдений (2006 г.); б) городские и региональные власти постепенно становились более отзывчивыми на требования активистов (доля «успешных» протестных кейсов, особенно затрагивающих «зеленые» территории вроде парков и скверов, также росла) [Белоусов, Давыдов, 2021]. Эмпирическая база данного исследования тоже использовалась при проверке информации, полученной от экспертов.

В ходе работы ко всем уже существовавшим обстоятельствам добавилась специальная военная операция на Украине. Как следствие, спектр гипотез о возмож-

ном будущем городского режима Екатеринбурга был расширен: от полного исчезновения конфликтов и протестов (патриотический подъем или, напротив, «шок» от внешнеполитических событий и потенциальных репрессий) до их кратного увеличения (в результате принятия властью непопулярных решений, подобных «пенсионной реформе», или других «черных лебедей»).

При проведении опроса экспертам была гарантирована анонимность (вплоть до сознательного отказа от диктофонных записей интервью и фиксирования ответов стенографическим методом), поэтому цитаты респондентов приводятся без указания возраста, места работы, пола и прочих социодемографических характеристик.

Результаты

Прежде чем предоставить на обсуждение результаты экспертного опроса, необходимо кратко ввести читателей в контекст протестной активности в г. Екатеринбурге за последние 10—15 лет.

Екатеринбург уже давно выделяется среди российских городов спецификой и разнообразием внутренней политики. Дело не только в уже сложившемся с подачи телеведущего В. Соловьева образе «города бесов». Екатеринбург действительно в последние годы сильно выделялся частыми и массовыми городскими конфликтами. Среди них: протесты за сохранение Площади Труда в 2010 г., борьба защитников торгового центра «Пассаж» против его реконструкции в 2012 г., протесты против сноса (а затем — за восстановление) Краснознаменной группы с 2013 г. по наше время, конфликт вокруг планируемого строительства «Дома Азербайджана» в Основинском парке в 2014 г., протесты против строительства лютеранской кирхи в парке им. Блюхера в 2014 г., защита недостроенной телебашни в 2018 г., а также многолетняя драма вокруг планов строительства храма Святой Екатерины в акватории городского пруда, а затем в сквере у Октябрьской площади. Последнее стало протестным мегасобытием с многодневными массовыми митингами (количество участников превышало 10 000 человек), кулачными боями с «титущками», столкновениями с представителями органов правопорядка, выходом на мировую медийность и привлечением президента России к решению конфликтной ситуации.

На фоне городских событий накалялась обстановка и в Свердловской области. Так, 2016 г. прозвали годом, когда область находилась «в огне»: целая серия протестных «пожаров» с преимущественно экологической тематикой (протесты общественной ответственности против разработки Юрьевского месторождения, конфликт вокруг добычи золота в Быньгах методом выщелачивания золота цианидом и т. п.). При этом мы не можем привести весь перечень многочисленных конфликтов, связанных с точечной застройкой, сносом памятников архитектуры, оспариванием проектов реконструкции парков (протесты защитников парка «Зеленая роща» в 2019 г., против вырубки деревьев в парке XXII Партсъезда в 2020 г. и др.).

Помимо сравнительно оживленной гражданской активности городской политической режим Екатеринбурга имеет свою либеральную историю. С 24 сентября 2013 г. по 25 мая 2018 г. мэром города являлся известный своими либеральными взглядами Е. Ройзман. Из местной городской политики вышел один из лиде-

ров российской оппозиции и сторонник А. Навального*⁷ Л. Волков⁸. Показателем екатеринбургской «исключительности» стали словесные перепалки консервативного ведущего и пропагандиста В. Соловьева с губернатором Свердловской области Е. Куйвашевым и другими представителями екатеринбургской общественности⁹. Изучая данные о составах городских ассамблей в период с 2012 по 2020 г., В. Бедерсон и И. Шевцова отметили, что среди всех городов-миллионников (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) локальный политический режим Екатеринбурга единственный можно охарактеризовать как конкурентный, поскольку в нем сохраняется политическая конкуренция при наличии разнообразия бизнес-групп [Бедерсон, Шевцова, 2021].

Культурный фон и активная гражданская жизнь способствовали постепенным изменениям моделей и практик взаимодействия городских властей и представителей общественности по поводу спорных вопросов городского планирования и развития. Это выражалось прежде всего в повышении отзывчивости городских властей к попыткам граждан оспорить те или иные проекты территориального развития. Если в 2011 г. из 24 отмеченных протестных инициатив в Екатеринбурге и Свердловской области ни одна не принесла какого-либо результата, то в 2019 г. из 29 кейсов успешными или частично успешными (протестующие добиваются каких-либо уступок со стороны представителей власти и/или бизнеса) был 21 кейс [Белоусов, Давыдов, 2021: 372]. Конечно, здесь имеют место общие причины вроде развития социальных медиа, сильно облегчивших протестную мобилизацию. Однако материалы экспертного опроса позволяют детализировать и уточнить весь набор факторов, оказывавших влияние на трансформацию городского политического режима г. Екатеринбурга. Мы можем выделить следующие ключевые моменты: а) последствия массовых протестных акций, особенно протестов в сквере у Октябрьской площади (у «Драмы») в мае 2019 г.; б) постепенное развитие гражданских инфраструктур; в) изменение связей и взаимоотношений между элитами, а также личностные качества мэра.

Последствия массовых протестных акций в сквере у Октябрьской площади

Все информанты отмечают, что конфликт вокруг сквера в мае 2019 г. серьезно повлиял на взаимоотношения власти и общества. Власти увидели в нем существенные для себя и для общественного согласия риски и потому стали вести себя более осторожно. Исходя из слов нескольких интервьюируемых, мы можем говорить о данном случае как об *учредительном конфликте*. Под последним мы понимаем такую разновидность конфликтов, за которыми обычно следует каскад других конфликтов, влекущих за собой серьезные изменения в моделях взаимодействия представителей местных властей и гражданского общества. Теперь при решении спорных вопросов в городской повестке все действуют с оглядкой на события 2019 г.

⁷ Здесь и далее * означает: включен в Перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

⁸ Физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции «иностранный агента».

⁹ Николаев П. «Штрибан, фильтр хрюканину»: уральский бард ответил Соловьеву на критику Екатеринбургцев // Газета.Ru. 2022. 29 апреля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/04/29/14799782.shtml?updated> (дата обращения: 27.06.2023).

Говоря о конфликте в сквере у «Драмы», информанты указывают на несколько серьезных изменений.

1) Изменение модели поведения власти в отношении недовольных/протестующих. Эксперты оценивают этот факт в терминах «обучения», поскольку данный конфликт был тщательно проанализирован. Если раньше власть пыталась продавливать решения силовым путем или, по крайней мере, стремилась игнорировать мнение несогласных, то теперь базовой моделью стало взаимодействие с лидерами протеста по спорным вопросам. Информанты отмечают, что власти нашли альтернативные и более эффективные способы решения конфликтов — «заливать деньгами», «симулировать диалог» и т. д. Главным принципом действий становится максима не повышать градус конфликта. Однако эксперты оговариваются, что чиновники идут на контакт по не слишком принципиальным вопросам — там, где нет интересов большого бизнеса. Часть информантов полагает, что власти стали «бояться», приводя в пример ситуацию с кинотеатром «Салют», который было решено переделать в подростковый центр. По их мнению, в действиях чиновников прослеживается нерешительность, потому что они «боятся негатива».

2) Усилилось взаимодействие властей с либеральными лидерами протеста. Существенным изменением политического ландшафта Екатеринбурга является рост влияния либерально настроенных горожан на текущую городскую повестку, в частности в отношении реализуемых муниципальными властями градостроительных проектов.

3) Решение конфликта «в одну сторону» усилило протестный потенциал проигравшей стороны — православного сообщества. Несмотря на то что в целом конфликт 2019 г. считается урегулированным (решением стала отмена планируемого в сквере строительства православного храма, голосование за новое место строительства затянуло реализацию проекта на неопределенное время), у него остается сторона, считающая себя пострадавшей, — «православные». Для них конфликт в сквере у «Драмы» носил травматический характер. По просьбе региональных властей и иерархов церкви представители православного сообщества не стали обострять ситуацию и выходить на улицы. Дальнейшие действия властей по определению другого места строительства не смогли стать мерой, восстанавливающей баланс интересов. Усиление влияния либерализма фиксируется православным сообществом и оценивается крайне негативно:

Напряженность (после конфликта на Дrame) сохраняется, камнеет. Губернатор негативно относится к РПЦ (пример — крестный ход на Торжество православия накануне конфликта на «Дrame»). Должны были заложить камень — не получилось... Мы больше щеки подставлять не будем. Будем демонстрировать силу — будем ходить в крестные ходы. Но никто бузить специально не собирается.

Можно сделать предположение, что православное сообщество будет раз за разом обострять ситуацию в тех случаях, когда будут задеваться его интересы и ценности. Типичным примером подобной активности можно считать противодействие осуществляемой администрацией города популяризации в Екатеринбурге Шигирского идола. В этом контексте вероятность активных действий, в том чис-

ле могущих нарушать действующее законодательство, оценивается как высокая. Примеры подобного в Екатеринбурге уже были: в 2017 г. православный активист пытался поджечь кинотеатр «Космос», поводом для чего выступил фильм А. Учителя «Матильда»¹⁰.

В целом же в Екатеринбурге сложилась совершенно нетипичная для России ситуация, когда городские власти ориентируются на либеральных активистов, а православное сообщество уходит в оппозицию к власти. Это одна из уникальных характеристик городского режима.

4) Кейс в сквере у «Драмы» оказывает серьезную мотивационную поддержку другим протестующим не только в г. Екатеринбурге. Так, во время конфликта вокруг строительства мусороперерабатывающего завода в пос. Шабровский (Шабры) рядом с Екатеринбургом в конце 2019 г. участники процесса пользовались логикой «они смогли — и мы сможем».

Постепенное развитие гражданских инфраструктур

Учредительный конфликт возле «сквера на Дrame» повлек за собой череду протестов в Екатеринбурге и его пригородах в период с 2019 по 2022 г., которые упомянули эксперты. Данный перечень не является исчерпывающим, однако это наиболее известные случаи, по поводу которых информанты смогли высказать свое экспертное мнение:

- снос дома, на месте которого запланировали построить новое здание филармонии (2019);
- вырубка деревьев в парке у УрГУПС (2020);
- реконструкция парка «Зеленая роща» (2020);
- реконструкция парка XXII партсъезда (2020);
- строительство мусороперерабатывающего комплекса и полигона в пос. Шабры (конец 2019 г. — начало 2020 г.);
- реконструкция сквера на ул. Опалихинской (2021);
- строительство глэмпинга в мкр-н Мичуринский (2021);
- снос здания аэропорта Уктус (2021);
- строительство транспортно-логистического центра (ТЛЦ) «Уральский» возле оз. Шарташ (2021—2022);
- строительство оздоровительного комплекса «Баден–Баден» возле оз. Шарташ (2021—2022);
- точечная застройка в Юго-Западном мкр-не Екатеринбурга (ул. Онуфриева, недалеко от КДЦ Дружба) (2022);
- «республика Лодыгина» — точечная застройка по ул. Ладыгина (2022);
- строительство автомойки на ул. Блюхера (2022).

В этом ряду отдельно стоят протесты в поддержку А. Навального* в январе — феврале 2021 г., ставшие самыми массовыми в областном центре после событий 2019 г. Они не имеют никакого отношения к проблематике городских конфликтов, однако для части протестующих ничем не отличаются от протестов на местную тематику и могут выполнять вспомогательную функцию, играющую роль мобили-

¹⁰ Смирнов С. Поджог кинотеатра в Екатеринбурге связали с «Матильдой» // ВЕДОМОСТИ. 2017. 04 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/04/732187-podzhog-kinoteatra> (дата обращения: 29.06.2023).

зационной тренировки. По мнению некоторых экспертов, эти протесты показали, что оппозиционно настроенная часть общества легко мобилизуется, а город сохраняет протестный потенциал.

Аффилированные с властью эксперты отмечают, что формируется группа «профессиональных» протестующих, которые ходят с одного протеста на другой. Речь идет не о «политических протестующих», а о высказывающихся по разнообразным городским проблемам, преимущественно градостроительным. Информанты оценивают данное обстоятельство с определенным скепсисом, однако важны сами по себе факты как формирования данной группы, так и ее мобильности — готовности принимать участие в самых разных конфликтных ситуациях. Наличие «профессиональных» протестующих в перспективе может способствовать увеличению числа конфликтов и выводу их на уровень, когда они будут требовать урегулирования. Нельзя исключать, что участие разнообразных активистов в локальных городских конфликтах может являться подготовкой к конфликту общегородского уровня, подобно тому, как участие в муниципальных выборах подготавливает их участников к региональным и федеральным кампаниям. Это как раз та сетевая человеческая инфраструктура, которая делает возможной мобилизацию большого числа людей:

Уже есть определенная система. Где-то парк или автомойка, мне звонят, я моментально выезжаю. Приглашаем журналистов — тема выходит в публичную плоскость. Да, это нечто вроде слаженного механизма уже.

Ситуацию может усугублять то, что, по мнению отдельных экспертов, «профессиональные» протестующие зависят от групп влияния, например, строительных компаний. Застройщики конкурируют между собой и используют в качестве и инструмента борьбы протестующих, управляя ими в ручном режиме. Факты взаимодействия протестных лидеров с застройщиками имеются: например, лидер сообщества «Парки и скверы» А. Балтина публично признавала, что участвовала в проектах, финансируемых «Атомстройкомплексом». Однако эти отношения нельзя понимать примитивно как товарно-денежные. Наличие самого факта связи говорит о следующем: во-первых, преследование экономических или даже политических (как в случае со сквером на «Драме») интересов может стимулировать протестную активность или, наоборот, снижать ее; во-вторых, конфликты интересов могут и будут через агентов влияния провоцировать социальные конфликты. Это напрямую влияет на возможности их появления в будущем.

Способы решения конфликтов

При оценке взаимодействия власти и общественности в ходе конфликтов эксперты отмечали, что власти накопили достаточно обширный арсенал средств их урегулирования. Общий принцип один из экспертов сформулировал следующим образом:

Не допускать повышения градуса конфликта, создать переговорную группу и перевести взаимодействие на площадку администрации г. Екатеринбурга.

Информанты исходят из того, что каждый случай конфликта уникален, недовольства и разногласия существуют всегда, при этом причины конфликтных ситуаций разные. Исходя из этого, нельзя говорить о какой-то универсальной схеме решения всех конфликтов, власти постоянно расширяют арсенал способов их урегулирования в ответ на протесты. На текущий момент данный процесс нельзя считать законченным, обучение власти решению конфликтов продолжается. Так, наши эксперты упомянули следующие способы решения проблем:

— В случае с реконструкцией сквера на ул. Опалихинской была создана рабочая группа, которая урегулировала отдельные детали реализуемых проектов. По мнению протестующих, изначальный проект был оторван от реальности. В результате переговоров часть его объектов была заменена, другая — исключена. В частности, были проложены тротуары, сохранены тополя, а «скейт-площадку не будут ставить на месте яблонь»¹¹.

— В случае со строительством глэмпинга в микрорайоне Мичуринский власти Екатеринбурга выделили застройщику равноценный участок в районе Уктус;

— При расселении дома под строительство нового здания филармонии проблема была решена с помощью денежных средств.

— На владельца автомойки по ул. Блюхера (строилась незаконно, что спровоцировало протест местных жителей), не захотевшего договариваться с представителями мэрии, было оказано правовое давление в виде прокурорских проверок, отказа в оформлении документов и пр.

— В конфликте при строительстве ТЛЦ «Уральский» в переговорный процесс с недовольными жителям вступил сам инвестор, что расширило круг возможностей в переговорном процессе. По мнению экспертов, инвестору удалось наладить взаимоотношение с активом протестующих, в том числе с их лидером С. Гончаровым. Результатом взаимодействия стала поездка на аналогичный ТЛЦ в другом регионе, которая должна была убедить актив, что подобные проекты не ухудшают качество жизни. Помимо этого, по словам экспертов, протестующим была дана «взятка инфраструктурой».

— При решении вопроса о строительстве оздоровительного комплекса «Баден-Баден» власти в целом поддерживали проект. Однако его обсуждение затянулось на площадке городской Думы, затем были получены отрицательные общественная и государственная экспертизы. Закончилось все тем, что во время голосования о переводе земли мэрия ошибочно включила данный вопрос в пакет других земельных вопросов, и в результате депутаты по совокупности причин проголосовали против.

— В других случаях спорные проекты были отменены без создания инициативных групп и ведения переговоров — так было со строительством мусороперерабатывающего комплекса и полигона в пос. Шабры и точечной застройкой в Юго-Западном микрорайоне.

Таким образом, в Екатеринбурге на муниципальном уровне накапливается серьезный опыт решения локальных конфликтных ситуаций. Это можно считать

¹¹ Аллаяров Д. Мэрия Екатеринбурга пошла на уступки защитникам сквера // URA.RU. 2021. 16 июня. URL: <https://ura.news/news/1052489932> (дата обращения: 15.09.2022).

ресурсом власти, который будет помогать и в будущем урегулировать подобные конфликты или вовсе не допускать их появления.

Изменение связей и взаимоотношений между элитами, а также личностные качества мэра

По оценке наших информантов, большое влияние на характер взаимоотношений власти и общественников оказала смена мэра г. Екатеринбурга. Эксперты отмечают, что у А. Орлова (и. о. 22 декабря 2020 г. — 9 февраля 2021 г.; глава Екатеринбурга — с 9 февраля 2021 г.) другой стиль управления, который по сравнению со стилем А. Высокинского (глава Екатеринбурга с 25 сентября 2018 г. по 22 декабря 2020 г.) можно охарактеризовать как бесконфликтный. Мэр А. Орлов занимается согласованием интересов по вопросам, вызывающим общественные дискуссии, — изменение наименования улиц, выбор символики к 300-летию Екатеринбурга и др. При новом мэре у лидеров мнений появилась возможность работать в различных советах (например, в совете по топонимике), а активистам позволяется активно реализовывать свои проекты. При А. Орлове стало меньше «ляпов», вызывающих неоднозначную реакцию общественности (таких, например, как идея высаживать из автобусов людей без масок в период пандемии коронавируса¹²). И пусть эти высказывания бывшего мэра не касались непосредственно рассматриваемых конфликтов, в целом они оказывали негативное влияние на представления о возможности диалога с мэром и администрацией Екатеринбурга. После смены мэра произошла частичная ротация «людей вокруг него», в частности, в политическом, пиар-блоке и блоке взаимодействия с общественниками. Этот факт тоже оказал влияние на рассматриваемые процессы: «смена людей привела к новой схеме взаимодействия». Информанты не исключают, что и сама смена А. Высокинского была вызвана большим количеством конфликтов и отсутствием у него эффективных навыков их урегулирования. Один из провластных экспертов оценил ситуацию следующим образом:

У Орлова нет бэкграунда в Екатеринбурге. Он «честный маклер», не был вовлечен в местные элитные разборки. У него просто нет накопленного «негатива», поскольку он из Тюмени. Это «человек губернатора», служил в свое время в органах МВД, боролся с экономическими преступлениями. Короче говоря, менее «противоречивая» фигура.

Говоря об А. Орлове, информанты отмечают, что он предпочитает участвовать в решении конфликтов не публично. Его публичная стратегия заключается в «присваивании» результатов урегулирования, в качестве примера эксперты указывают сквер на ул. Опалихинской. Публично А. Орлов не участвует в урегулировании конфликтов, поручая это чиновникам чуть более низкого ранга, например, заместителю главы г. Екатеринбурга А. Бубнову и председателю комитета по благоустройству Т. Благодатковой, имеющим возможность напрямую влиять на реализуемые в городе проекты. Критики А. Орлова утверждают, что его бесконфликтные отно-

¹² Александр Высокинский разрешил пассажирам выталкивать из транспорта людей без масок // 66.ru. 2020. 20 октября. URL: <https://66.ru/news/society/235386/> (дата обращения: 02.07.2023).

шения с общественниками объясняются отсутствием инициативы, боязнью сделать «что-то не так» после протестов в сквере на «Драме».

Одним из примечательных нововведений городской администрации стало создание «Совета неравнодушных граждан» по инициативе заместителя главы Екатеринбурга С. Плахотина. На этой площадке А. Орлов общается с наиболее видными представителями общественности, преимущественно протестного склада, обсуждает вопросы и проекты, которые могли бы вызвать разногласия в обществе. Отношение к Совету среди экспертов неоднозначное. Те, кто позитивно оценивает его, говорят о том, что Совет «позволяет озвучивать разные интересы и нужен не для того, чтобы тушить пожары, а для того, чтобы не доводить до кипения». Однако другие считают, что он «не может считаться проактивной формой работы с протестом, потому что в нем нет лидеров протеста, а только инфлюенсеры» (стоит отметить, что через некоторое время после интервью Совет был расширен, и ряд лидеров протеста все же туда был включен). Православное сообщество, не видя ни одного своего представителя в составе Совета, говорит, что с его помощью «власть заигрывает с либеральной общественностью». Часть информантов отмечает, что «Совет неравнодушных граждан» представляет собой форму заместительной демократии, выгодной для власти. Он носит декоративный характер, а повестку в нем формирует исключительно мэр А. Орлов. Однако вне зависимости от оценок сам факт создания такого неофициального органа взаимодействия говорит о том, что его инициаторы стараются превентивно найти общий язык по сложным и спорным вопросам.

Обсуждение

Несмотря на общее улучшение качества взаимодействия власти и общества, эксперты указали на несколько его недостатков и дали свои рекомендации. Пусть локальный политический режим Екатеринбурга и претерпел несколько позитивных сдвигов, говорить об устойчивом изменении городского режима пока рано. На описанные процессы наслаивается СВО, последствия которой для хода городских конфликтов трудно предсказать.

Во-первых, инвесторы, реализующие проекты, которые имеют общественную значимость и могут вызвать конфликты, все еще плохо учитывают общественное мнение. Наши информанты считают, что учет общественного мнения должен стать статьей затрат, которые бизнес включал бы в реализацию соответствующих проектов. Впрочем, механизм их включения пока не ясен. Частный бизнес сам несет свои расходы, а в законодательстве подобные обязательства на застройщиков не возлагаются. Поэтому у данной инициативы может быть несколько вариантов реализации. Первый — застройщики начинают сами включать работу с общественным мнением в развиваемые проекты. Второй — подобные траты будут включены туда нормативно. И третий — включение подобных затрат под воздействием органов власти, которые больше всех заинтересованы в сохранении общественного согласия.

Во-вторых, часть экспертов считает, что в текущий момент власти работают с конфликтами постфактум — «тушат пожар, когда он разгорелся», а проактивной работы с протестами не ведется. Как было указано выше, большая часть информантов не считает «Союз неравнодушных граждан», созданный главой горо-

да А. Орловым, проактивной работой. Городские власти, по их мнению, общаются преимущественно с медийными персонами, оставляя в стороне некоторых реальных лидеров локальных протестов, которые генерируют много разнообразной активности и известны районным администрациям. Вероятным способом решения подобной проблемы могло бы стать создание аналогичных городскому союзам неравнодушных граждан на районном уровне.

В-третьих, эксперты указывают, что, несмотря на появление различных процедур голосования по проектам общественных пространств на городском сайте, они не в полной мере отражают мнение людей. Главное, в них нет возможности корректировать проекты, предлагаемые к реализации. Например, при голосовании весной 2022 г. за проекты общественных пространств выиграл парк в Академическом районе, однако предложения по изменениям в проект не собираются. У людей не спросили, что бы они хотели видеть. Вероятно, проект парка в Академическом не станет поводом для протестов в будущем, поскольку реализуется на пустыре, однако ситуации, когда такое возможно, уже встречались: реконструкция сквера на ул. Опалихинской и реконструкция парка XXII партсъезда. Включение сбора мнений по отдельным элементам проектов общественных пространств, по всей видимости, станет актуальным через какое-то время.

Заключение

Исходя из вышесказанного можно сделать ряд выводов.

1) По всей видимости, городские политические режимы в России не ограничиваются режимами «технического обслуживания» или «режимами роста». Случай Екатеринбурга показывает, что как минимум некоторые элементы прогрессивного режима среднего класса могут наблюдаться и в России. Согласно К. Стоуну, такой режим характеризуется повышенным вниманием к качеству городской среды, наблюдением за действиями институциональной элиты и калибровкой побуждений и санкций для получения подходящего сочетания активности и ограничений, участием граждан в делах общества и в наблюдательных советах и комиссиях, а также «внимательным электоратом» [Stone, 1993]. Екатеринбург в последние годы во многом соответствовал этим критериям, если не считать отсутствие прямых выборов мэра города, что сильно сужает возможности «внимательного электората». Тем не менее зависимость действий местных властей от общественного мнения явно возросла за последнее десятилетие (пример — общегородской опрос по определению места строительства храма Святой Екатерины в 2019 г. после протестов в сквере у Драмтеатра). Мы, таким образом, имеем дело если не с полноценным прогрессивным режимом среднего класса, то со многими его элементами. Возможно, сложившийся режим можно охарактеризовать как гибридный или переходный.

2) Важной причиной быстрой трансформации городского режима стала череда масштабных протестных событий в сквере у Драмтеатра в мае 2019 г., получившая общероссийское и даже международное медийное освещение. Вслед за экспертами мы обозначили данное событие как *учредительный конфликт*. Пока неизвестно, является ли этот сценарий универсальным, однако «смягчение» городского режима в ответ на городские конфликты, как показало наше исследование, вполне возможно в российских реалиях.

3) На фоне усиления роли среднего класса с либеральными ценностями наблюдается снижение политической значимости православного сообщества — традиционного ядра провластного электората. Это нетипичная для России картина, уникальная особенность Екатеринбурга, которая показывает одно из долгосрочных последствий городских конфликтов. Православное сообщество фрустрировано поражением в «учредительном конфликте» и поэтому представляет собой угрозу для общественного согласия. Риски инициирования с его стороны разнообразных протестов представляются высокими, а действия властей по восстановлению баланса интересов недостаточными. В российских реалиях в «прогрессивных режимах среднего класса» роль внесистемной оппозиции могут начать играть группы граждан, в других ситуациях ведущих себя лояльно по отношению к любой власти.

4) Наряду с реакцией на протесты способствовать либерализации городского режима могут многие другие факторы. Как мы выяснили, немаловажен такой субъективный фактор, как личность мэра. Большую роль играет и конкретная расстановка элит.

Через громких городских конфликтов и прогремевших на весь мир массовых протестов, уникальный городской «дух либерализма», развитый человеческий капитал, достаточно широкая прослойка активного «креативного класса» и деятельных урбанистов, «фрустрированное» православное сообщество, а также немаловажный субъективный фактор (яркие лидеры протеста, способные наладить соответствующие гражданские инфраструктуры и удачное стечение обстоятельств — личность мэра А. Орлова, готового вести диалог с гражданами) — все это действительно повлияло на городской политический режим, если говорить о способности реагировать на городские конфликты, и даже привнесло в него элементы коллаборативного планирования (к примеру, деятельность «Совета неравнодушных граждан»). Более того, как мы увидели, по крайней мере до объявления в сентябре 2022 г. частичной мобилизации, — даже СВО не сильно повлияла на готовность городских властей идти на диалог. Возможно, считывание протестующими страха в действиях властей будет усиливать позиции первых и ослаблять позиции последних в переговорных процессах. Это особенно сильно чувствуется в условиях СВО. Эксперты указывают, что власть сейчас боится любого конфликта, поскольку он может достаточно серьезно «рвануть» (это на момент написания данных строк видно по тому, как неоднозначно общество реагирует даже на частичную мобилизацию). Однако возможен и диаметрально противоположный сценарий: постепенно представители власти и бизнеса поймут, что в условиях военного времени люди не рискнут активно протестовать и оспаривать те или иные проекты по переустройству городского пространства, а потому на полную мощь включатся «машины роста», то есть городской политический режим вернется к своему изначальному состоянию десятилетней давности.

Список литературы (References)

Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Жур-

нал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>.

Bederson V. D., Shevtsova I. K. (2021) Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-Plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s. *The Journal of Social Policy Research*. Vol. 19. No. 2. P. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>. (In Russ.)

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>.

Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>. (In Russ.)

Борисова Н. В. Теория городских политических режимов и возможности ее применения для анализа российской локальной политики // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. Т. 10. № 2. С. 5—12.

Borisova N. V. (2010) The Theory of Urban Political Regimes and the Possibilities of Its Application for the Analysis of Russian Local Politics. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 10. No. 2. P. 5—12. (In Russ.)

Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. Т. 70. № 2. С. 73—82. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/ekonomicheskije-aktory-i-lokalnye-rezhimy-v-krupnyh-gorodah-rossii.html> (дата обращения: 26.06.2023).

Bychkova O., Gelman V. (2010) Economic Actors and Local Regimes in Large Cities of Russia. *Neprikosnovennyy Zapas. Debate about Politics and Culture*. Vol. 70. No. 2. P. 73—82. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/ekonomicheskije-aktory-i-lokalnye-rezhimy-v-krupnyh-gorodah-rossii.html> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>.

Glukhova A. V., Kolba A. I., Sokolov A. V. (2021) Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. (In Russ.)

Ермолаева П. О., Башева О. А., Корунова В. О. Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 301—314. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>.

Ermolaeva P.O., Basheva O.A., Korunova V.O. (2021) Environmental Policy and Civic Participation in Russian Megacities: Achievements and Challenges from the Perspective of Urban Stakeholders. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 301—314. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>. (In Russ.)

Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011—2012 годов // Стасис. 2014. Т. 2. № 1. С. 260—295. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/70> (дата обращения: 26.06.2023).

Zheltnina A. (2014) “Hanging Out”, Creativity, and the Right to the City: Urban Public Space in Russia before and after the Protest Wave of 2011—2012. *Stasis*. Vol. 2. No. 1. P. 260—295. URL: <https://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/70> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (дата обращения: 26.06.2023).

Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/285> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.

Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) “Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)

Кольба А. И., Соколов А. В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологии и управления // Конфликтология. 2016. № 4. С. 234—252.

Kolba A. I., Sokolov A. V. (2016) Urban Conflict: Problems of Definition, Typology and Management. *Conflictology*. No. 4. P. 234—252. (In Russ.)

Ледяев В. Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 129—143.

Ledyayev V. G. (2008) Urban Political Regimes: Theory and Experience of Empirical Studies. *Russia And the Contemporary World*. No. 4. P. 129—143. (In Russ.)

Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. Medvedev I. R. (2017) Resolution of Urban Conflicts. Moscow: Infotropic Media. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. Локальный политический режим: от «коалиций координации» к «коалициям контроля» // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 4—1. С. 96—101.

Pustovoyt Yu.A. (2013) Local Political Mode: From “Coalitions of Coordination” to “Coalitions of Control”. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 4—1. P. 96—101. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. «Земля» и «Воля»: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. С. 295—330. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>.

Pustovoyt Yu.A. (2018) “Land” and “Freedom”: Urban Regimes and Protest Communities in Siberian Cities. *Power and Elites*. Vol. 5. P. 295—330. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4. С. 104—118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>.

Pustovoyt Yu.A. (2019) How the Regime is Created: Power Coalitions in Siberian Cities. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 104—118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. (In Russ.)

Пустовойт Ю. А. Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14. № 3. С. 122—130. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/3845> (дата обращения: 26.06.2023).

Pustovoyt Yu.A. (2020) Protest in the Cities of Siberia: The Experience of Measuring the Factors of Mobilization Activity. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 14. No. 3. P. 122—130. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/3845> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 2. С. 241—256. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328> (дата обращения: 26.06.2023).

Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2015) The Urban Political Regime in St. Petersburg: The Role of Real and Imagined “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space. *The Journal of Social Policy Research*. Vol. 13. No. 2. P. 241—256. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3328> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // *Политическая наука*. 2017. № 4. С. 111—136. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaiya-nauka-old/arkhiv/2017-4/u-vlasti-tochka-zreniia-molchanie/> (дата обращения: 26.06.2023).

Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2017) “Authorities’ Point of View is to Keep a Silence”: Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in the Urban Planning Policy. *Political Science*. No. 4. P. 111—136. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaiya-nauka-old/arkhiv/2017-4/u-vlasti-tochka-zreniia-molchanie/> (accessed: 26.06.2023). (In Russ.)

Шохина А. Институциональная организация коллаборативного планирования в Канаде: механизмы вовлечения при подготовке мастер-плана Ванкувера

// Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 3. С. 53—65. <https://doi.org/10.17323/usp63202153-65>.

Shokhina A. (2021) The Institutional Framework of Collaborative Planning in Canada: Engagement Practices in Vancouver Master-Plan Development. *Urban Studies and Practices*. Vol. 6. No. 3. P. 53—65. <https://doi.org/10.17323/usp63202153-65>. (In Russ.)

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

Mitchell D. (2003) *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*. New York, NY: Guildford Press.

Stone C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946—1988*. Lawrence, KS: University Press of Kansas.

Stone C. N. (1993) Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 15. No. 1. P. 1—29. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.1993.tb00300.x>.